Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2025. Том 29, № 2
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82(091)

ББК 86.6

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-124-133>

МОТИВ САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ В ПРОЗЕ М. С. ЖУКОВОЙ И М. И. ВОСКРЕСЕНСКОГО: ПОДРАЖАНИЕ ИЛИ ПРОДОЛЖЕНИЕ

Наталья Петровна Иванова

Псковский государственный университет, Псков, Россия

Аннотация. Ставится вопрос о подражании или преемственности мотива самопожертвования в беллетристической прозе ныне забытых писателей 30–50-х гг. XIX в.: М. С. Жуковой и М. И. Воскресенского. Творчество Жуковой относят к женской прозе наряду с произведениями Е. Ган, Е. Тур, Ю. Жадовской, К. Павловой и др. Воскресенский был известен широкой публике как автор сюжетно занимательных, мелодраматичных романов. Современники великих классиков (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. С. Грибоедов) Жукова и Воскресенский во многом отталкивались от них, по-своему преломляя их образы в своих произведениях. Анализ текстов авторов с идентичными названиями проводится с целью определения общности их творчества на уровне мотивов, героев, сюжетных линий. Объединяют писателей и мировоззренческие установки: признание права женщины на независимое от мужчины существование за счёт собственного труда. Обращение беллетристов к мотиву самопожертвования обусловлено вниманием к женской судьбе, высокой оценкой нравственных качеств героинь.

Ключевые слова: *мотив, проза, самопожертвование, беллетристика, герой, повесть, роман*

Для цитирования: *Иванова Н. П.* Мотив самопожертвования в прозе М. С. Жуковой и М. И. Воскресенского: подражание или продолжение // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2025. Т. 29, № 2. С. 124–133. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-124-133>

Original article

THE MOTIVE OF SELF-SACRIFICE IN M. ZHUKOVA AND M. VOSKRESENSKY'S PROSE: IMITATION OR CONTINUATION

Natalia P. Ivanova

Pskov State University, Pskov, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the question of imitation or continuation of the motive of self-sacrifices in belletristic prose of now forgotten writers of the 1830s and 1850s: M. S. Zhukova and M. I. Voskresensky. Zhukova's work is considered as women's prose, along with the works of E. Gan, E. Tur, Yu. Zhadovskaya, K. Pavlova, and others. Voskresensky was known to the public as the author of entertaining melodramatic novels. Contemporaries of the great classics (A. S. Pushkin, N. V. Gogol, A. S. Griboyedov), Zhukova and Voskresensky largely drew inspiration from them, refracting their images in their own way in their works. The analysis of the novels of the same names, written by these authors, demonstrate continuity of the author's creation: both writers recognize women's right to independence from a man. The motive of self-sacrifices confirms ability of women-characters to have high moral feelings and acts to save the honor of a loved one. Appeal of the writers to motive of self-sacrifices

is due to attention to the fate of women. Comparison of texts reveals the similarity of the authors' views on the possibility of independent woman's life from a man in the mid-19th century. It has proved that the authors' work demonstrates continuity.

Key words: *motive, prose, self-sacrifice, belletristic, hero, story, novel*

For citation: Ivanova, N. P. (2025). The motive of self-sacrifice in M. Zhukova and M. Voskresensky's prose: imitation or continuation. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 29, no. 2, pp. 124-133. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-124-133>

Введение

В истории литературы остаются малоизученными или не изученными вовсе писатели, по выражению В. Г. Белинского, обыкновенные, или относящиеся ко «второму ряду» литературы. Незаслуженно забытые авторы между тем внесли свою лепту в развитие литературного процесса, наметив в своём творчестве те направления, которые получили более распространённое и глубокое развитие в сочинениях писателей, признанных классиками. В связи с этим актуальным представляется изучение беллетристов, чьё творчество занимает своё, пусть и скромное, место в истории литературы [Белецкий, 1923]. Среди таких авторов назовём имена ныне забытые, но среди современников заметные: Мария Семёновна Жукова (1804–1855) и Михаил Ильич Воскресенский (1803–1867), в чьих произведениях обнаруживаются определённые пересечения.

Эти писатели наряду с другими (П. Н. Кудрявцев, А. Д. Галахов, Е. Тур и др.) создают произведения с одинаковыми названиями: «Две сестры», «Сердце женщины», «Ошибка», «Самопожертвование» и др. Поэтому закономерен вопрос: случайно ли это?

Ю. Ю. Афанасьева утверждает, что относительно творчества М. С. Жуковой случайностью эти факты считать нельзя: у писательницы появляются подражатели или продолжатели заданных тем, мотивов и образов [Афанасьева, 2012, с. 124]. Среди них названо имя ныне неизвестного (творчество которого не изучалось вовсе), а во второй трети XIX в. весьма популярного писателя М. И. Воскресенского [Рейтблат, 2001]. И в литературоведении, кстати, Воскресенский исследован только как подражатель пушкинскому «Евгению Онегину» [Турумова, 1972; Чумаков, 1999] и грибоедовской комедии «Горе от ума» [Белинский, 1979; Дмитриев, 1987; Иванова, 2020; Сухих, 2012]. Представляется важным выяснить, был ли его роман «Самопожертвование» подражательным или имел своё самостоятельное значение.

Проблема подражательности/преемственности в контексте творчества женщин осложняется ещё и тем, что к женской прозе в XIX в. относились как к второсортной, третьестепенной [Проскурина, 1984, с. 143]. Вопрос о влиянии женской прозы на мужскую ставит первый исследователь творчества М. Жуковой А. И. Белецкий [Белецкий, 1923; см. также: Сварчевская, 2010, с. 7; Хохлова, 2002, с. 28].

В представленной статье подражание/преемственность творчества беллетристов обнаруживается в заявленном в названиях произведений мотиве самопожертвования – в повестях Жуковой «Две сестры», «Самопожертвование» и в романе «Самопожертвование» Воскресенского.

Исследование и его результаты

Понятие «самопожертвование» предполагает «типичные для русской культуры социальные и психофизиологические состояния, а также обстоятельства, которые способствуют выбору определённых типичных форм жертвенного поведения» [Серииков, 2017, с. 41].

В литературоведении установлено, что мотив самопожертвования – основной в прозе М. С. Жуковой, и связано это со стремлением писательницы раскрыть мир женщины, определить её место в мире во взаимоотношениях с другими женщинами: матерями, сёстрами, тетушками и с мужчинами [Афанасьева, 2006, с. 8].

Акт самопожертвования в повести Жуковой «Две сестры» (1843) представлен как потенциальный и связан с образами Ольги Андреевны Иволгиной, её сестры Машеньки и Валериана Алексеевича Алесьева. Ольга Андреевна – светская женщина, жена успешного чиновника – показана с двух сторон: внешней (свет) и внутренней (домашняя жизнь).

Оленька, переехав из деревенской глуши в провинциальный город, выйдя замуж, стала появляться в светском обществе. Её провинциальность и необразованность заметны и смешны. В глазах новоприбывшего в город чиновника Алесьева Ольга Андреевна – пустая светская женщина, в которой нет живого искреннего чувства. Однако близкое знакомство с ней раскрывает Оленьку с другой, неожиданной для Алесьева стороны. «М. Жукова акцентирует внимание на развитии самосознания девушки» [Афанасьева, 2006, с. 14], что происходит в результате общения с Алесьевым.

Благодаря Валериану Алексеевичу Ольга Андреевна неожиданно открывает себя другую. И Алесьев, видевший доселе пустоту в Оленьке, обнаруживает в ней глубоко чувствующую натуру, нравственно чистого человека. Увлечшись красотой молодой женщины, он находит для себя единственным отдохновением от службы общение с нею. Алесьев приходит к ней для совместного чтения, которое меняет внутренний мир героини. Если доселе «*в сердце её было пусто*» [Жукова, 1843, с. 38], не с кем было делиться сокровенным, то теперь Валерьян становится поверенным всех её мыслей: «*Теперь у неё есть человек, с которым она говорит обо всём, не боясь ни насмешек, ни осуждения ... Она любила Алесьева не как человека, но как существо превосходное, как благого вестника, открывшего ей сокровища собственной души ея, – любила, как любят прекрасное, как любят добро...*» [Жукова, 1843, с. 38]. Занятия музыкой сближают героев. Оленька находит в новом друге искренность и душевное отдохновение от света, с ним она высказывает себя, не стесняясь поверять свои наблюдения и взгляды на жизнь.

Неожиданно для себя героиня открывает в своей душе чувство любви к молодому мужчине. Выданная замуж по уговору, ранее она не задумывалась о взаимности чувств к жениху, а теперь понимает, что настало её время любить. Но быть вместе возлюбленные не могут: Ольга замужем, у неё трое детей. Полюбив Алесьева, она не думает об измене, понимая свой долг – быть верной женой и матерью. Своё счастье любви она мечтает перенести на сестру Машеньку, которую задумывает выдать замуж за Алесьева.

Неожиданной для читателя и героев повести становится смерть Иволгина, мужа Ольги. Положение вдовы испытующе для героини. Она оказывается свободной женщиной, и перед ней встаёт вопрос о целесообразности самопожертвования в пользу любящей Алесьева Машеньки. В ситуации свободы от уз брака Ольга Андреевна ощущает свою внутреннюю неспособность на такую жертву, так как всё в ней дышит любовью к Валериану Алексеевичу. Отказу от самопожертвования служит и его признание в любви.

Таким образом, несвершение самопожертвования в повести Жуковой объясняется двумя причинами. Первая – эгоизм Ольги Андреевны, которая внутренне не может этого допустить, хотя практически всё делает для того, чтобы подвести Машеньку и Алесьева к браку: «*Оставьте же ей хотя бы веру,*

что она жертвует собою счастьем любимой сестры!.. И того нет! и того нет! и холодно рассудок отвечает: ты уступаешь необходимости!..» [Жукова, 1843, с. 81]. Второй причиной становится понимание героиней обмана, ожидаемого для Машеньки: неполноты брака, неискренности чувств со стороны Алесьева, который не любил бы жены и «сокрушил её молодость сожалением о прежнем счастье и вялыми ласками любви, предписываемыми долгом?» [Жукова, 1843, с. 80].

В другой повести Жуковой – «Самопожертвование» (1840) – героиня, как и Софья в одноимённом романе Воскресенского, совершает самопожертвование для спасения чести близкого человека: в момент прихода мужа к жене в обоих текстах третье лицо, дочь или воспитанница, признается в том, что это её посещал любовник.

Если у Воскресенского дочь (Софья) жертвует честью ради спасения чести матери, то у Жуковой воспитанница Лиза поступается честью для спасения репутации своей благодетельницы графини С., у которой живёт из милости. В обоих случаях девушки спасают тех, кому обязаны жизнью и положением в обществе.

Любовник графини С. де Нолле у Жуковой – человек благородный, любовник матери Софьи, Каролины Ивановны, Влонский у Воскресенского – наоборот, достойный презрения, низкий человек. Кроме того, жертва героини Жуковой усугубляется тем, что девушка влюблена. А Софья у Воскресенского уже пережила разочарование в любви, и сердце её свободно.

Заметны в произведениях обоих авторов звуковые переключки фамилий героев: де Нолле – Нольский. Объединяет их недостаточная открытость, загадочность для читателя. Так, у Воскресенского Нольский высказывается лишь однажды, во время тайного свидания с Софьей. О нём мы узнаём из письма подруги Софьи. О де Нолле рассуждают светские сплетники: «Одни хвалят его, другие говорят, что он фанфарон, пустой человек» [Жукова, 1840, с. 138].

И де Нолле, и Нольский – хорошей фамилии, разорившиеся дворяне. Герой повести Жуковой сделал карьеру адвоката. В де Нолле подчёркивается благородство: «Никогда ни подлость, ни предательство не будут его средствами» [Жукова, 1840, с. 142], чего нельзя сказать о Влонском и Нольском – героях романа Воскресенского.

В обоих произведениях «Самопожертвование» мужья догадываются об изменах жён. Так, у Воскресенского окно Петра Дмитриевича Долинского, отца Софьи, выходит в сад, откуда видно, как к жене по ночам ходит любовник. Долинский давно подозревает жену в измене, прямо не желая говорить ей об этом. Пётр Дмитриевич, отправляясь в деревню, поручает юной дочери поговорить с матерью относительно ее поведения. В повести Жуковой накануне сцены самопожертвования граф ведёт серьёзный разговор с женой, принуждая её быть с ним везде и не принимать гостей в одиночку. Граф ревнив, но больше всего его беспокоят светские сплетни, а поведение жены даёт пищу для пересудов в связи с посещением их дома де Нолле.

Самопожертвование рассматриваемых героинь делает честь девушкам, которые не задумываются о собственной репутации. Пойдя на самопожертвование, Лиза в минуту своего решительного поступка не понимала до конца, что она потеряет любовь возлюбленного. Но сделала она это для искупления «спокойствия своей благодетельницы, женщины, которую она, может быть, любила более всего на свете...» [Жукова, 1840, с. 227]. Совершив этот поступок, Лиза осознала, «какую бездну изрыла под ногами своими» [Жукова,

1840, с. 227], *«незаслуженное презрение человека»* [Жукова, 1840, с. 228], в котором она полагала всё своё счастье.

Де Нолле после признания Лизы графу в любви к гостю дома просит её руки [Жукова, 1840, с. 227] – ср. с Влонским, *«дрожащим», «с холодной, как лёд, рукой»* [Воскресенский, 1844, ч. 3, с. 129], трусливо заискивающим перед Долинским, *«с насмешкою и почти презрением»* [Воскресенский, 1844, ч. 3, с. 131] смотрящим на виновника сцены, *«злобного, враждебного гения семейства Долинских»* [Воскресенский, 1844, ч. 3, с. 133].

На первый взгляд положение Софьи не является катастрофическим, так как происходит в узком кругу семьи, со всё понимающим отцом, который не признаёт Влонского и не желает его брака с дочерью: *«С завтрашнего дня вы будете объявлены женихом и невестой свету, но вы никогда не будете сыном и дочерью своему отцу»* [Воскресенский, 1844, ч. 3, с. 132]. Станным представляется поведение отца, поверившего признанию дочери, девушке религиозной, строгих моральных правил. Казалось бы, в его силах по-другому отреагировать на нахождение прячущегося от его гнева в комнате Софьи Влонского, но этого не происходит. Безмолвна и Каролина Ивановна. Боясь гнева мужа, она никак не участвует в исправлении ошибки, понимая, что погубила жизнь Софьи.

Интересен выход из ситуации с помолвкой наречённых жениха и невесты в повести Жуковой. Лиза проявляет тонкий ум, спустя время отказывая де Нолле в замужестве, объясняя ему несообразность их союза: брак без любви, по её мнению, не имеет смысла; нет в их союзе и расчёта, а посему оба они вряд ли будут счастливы. Отказ от вынужденного замужества стоит Лизе имени, но страшнее всего – смерти отца и болезни матери, произошедших, как можно догадываться, вследствие дошедших до них слухов о фривольном поведении единственной дочери, в глазах которых она была непогрешима.

Общим у Воскресенского и Жуковой в роковой сцене внезапного появления мужа в момент измены жены выступает то, что мужья, наверняка зная о неверности жён, предпочитают верить ушам, а не сердцу: верить тому, что говорят им молодые девушки (Софья – у Воскресенского и Лиза – у Жуковой), клевета на себя. Казалось бы, и в ситуации с Лизой граф мог бы прямо сказать (в то время как графиня, как и Каролина Ивановна, была безучастна), что не верит этому, и всё могло быть сведено на нет, так как происходило в узком кругу семьи. Но этого не случается. И самопожертвование становится для обеих героинь тяжкой ношей, наказанием за грехи другого, близкого им человека.

Второй акт самопожертвования Софья из одноимённого романа Воскресенского совершает, находясь в совершенно других обстоятельствах. Она находит свою любовь в Александре Петровиче Нольском, но его чувство к ней не выдерживает испытания временем. Он влюбляется в её сводную сестру Верочку. Открытие героиней взаимности чувств молодых людей приводит Софью к столь сильному потрясению, что она заболевает и после болезни отказывается от брака с женихом, жертвуя своей любовью ради счастья молодых. Описанная ситуация характеризуется противопоставлением «героизма женщины и духовной слабости мужчины» [Лотман, 1994, с. 65–72].

Заметим, что болезнь как ситуацию испытания героев использует и Жукова в *«Двух сёстрах»*. Сцена у больной героини открывает чувства Алесьева: он признаётся ей в любви в ответ на просьбу позаботиться о сестре. Правда, в отличие от Оленьки Иволгиной болезнь значительно меняет героиню Воскресенского: *«волоса отчасти вылезли»* [Воскресенский, 1844, ч. 4, с. 89], отчасти поседели, красные пятна не исчезли с лица, постарела тридцатилетняя жен-

пина. Оленька у Жуковой моложе Софьи, ей только 23, и болезнь её вызвана не нервным потрясением, как у героини Воскресенского, а падением с лошади. Состояние на смертном одре даёт героине возможность открыться чистой и безмятежной любви.

Разнится и поведение мужчин во время болезни возлюбленных. Нольский страшится невесты, которая сильно изменилась. Так, при встрече с ней в саду он даже боится поцеловать её руку: «...она протянула ему свою бледную, худую руку. Нольский взял её, хотел поднести, по старой привычке, к губам, но почему-то остановился и довольствовался на этот раз только тихим пожатием» [Воскресенский, 1844, ч. 4, с. 94–95]. Алесьев «хотел перелить жизнь свою в уста её» [Жукова, 1843, с. 66]. Он твёрд в чувствах к Оленьке. На её просьбу жениться на Машеньке он соглашается только в случае её смерти.

На самопожертвование, как представляется, оказывается способной в «Двух сёстрах» сестра Иволгиной Маша. Она любит Алесьева. В финале повести Маша отказывается от замужества и посвящает себя воспитанию племянницы. Хотя Жукова не ставит окончательной точки в её судьбе, говоря о том, что Мансуров ждёт согласия Маши на замужество.

Софья решается на отказ от свадьбы с Нольским, поняв его чувства к Верочке, и покидает семью. В подобном сюжете романа усматривается замеченное современниками писателя неправдоподобие, в котором жених Влонской вдруг влюбляется в её сводную сестру и скоро женится на ней, а дядя Софьи, Густав Иванович, «не прогнал его от себя в толчки, когда он делал в его доме такие мерзости» [Кудрявцев, 1844, с. 65]. Самопожертвование, совершаемое Софьей в романе Воскресенского, двойное, что подтверждает способность героини к забвению себя во имя счастья ближнего.

Встретив Нольского много лет спустя, Софья видит его по-прежнему любящим её и разочаровавшимся в брачном союзе с Верочкой. Однако и в третий раз Софья находит силы бежать от возможного счастья с возлюбленным, дабы не разрушить его семейные узы. Нольский, узнав спустя 13 лет, что Софья жива, покорён её великодушием: как могла эта «редкая женщина» [Воскресенский, 1844, ч. 4, с. 181] во имя его счастья и счастья сестры отказаться не только от своего семейного счастья, но и от огромного дядиного наследства.

Способна ли на самопожертвование Вера, которой понравился жених старшей сестры? Скорее всего, нет. В своих душевных качествах она уступает Маше и Лизе в повестях Жуковой. Вера – незаконнорождённый ребёнок – никогда не имела дома и привязанностей к близким людям, родителей она не знала. Вряд ли Софья призналась бы ей, что исполняет предсмертную просьбу матери, принимая участие в её судьбе.

История Лизы в повести Жуковой «Самопожертвование» другая. Ей известно тепло семейного очага, тем ощутимее для неё атмосфера чужого дома графини, которая, не имея своих детей, видит в Лизе ребёнка, которого нужно образовывать и воспитывать. Для устройства благополучия своего будущего родители отпускают Лизу ехать с графиней в Петербург. Но было ли лучше от этого Лизе? Её жизнь приносилась в жертву, в благодарность за своё, как может казаться, благополучие. Скромную непритязательную деревенскую жизнь девушка меняет на жизнь столичную, где ощущает свою социальную ущербность, так как на неё смотрят как на человека без состояния.

Героини Жуковой – провинциальные женщины. Софья у Воскресенского – москвичка, образованная дама, сама зарабатывавшая на жизнь литературными сочинениями, выбравшая провинциальное уединение в кругу семьи. Та-

ким образом, общность произведений авторов заключена в хронотопе провинции и жанровой разновидности «провинциальной» повести [Комиссарова, 2007, с. 9], к которой могут быть отнесены рассматриваемые тексты (у Воскресенского большая часть действия связана с нахождением героев в провинции).

Исследователи отмечают новаторство Жуковой в литературе, заключающееся в гендерном аспекте образа женщины: «Изображая брачный союз без любви как нравственное и физическое насилие над личностью, Жукова, наряду с другими русскими писательницами, опровергает мужской взгляд А. С. Пушкина, М. Н. Загоскина и др., восхищавшихся цельностью героинь, верных супружескому долгу вопреки чувству» [Афанасьева, 2012, с. 125].

Воскресенского также волнует проблема женской судьбы, но он не представляет мужского взгляда на проблему, а скорее оценивает её с точки зрения нравственности. Беллетрист рассматривает тему самопожертвования и связанную с ней проблему женского счастья как нравоописатель: осуждает ветреность Каролины Ивановны, сочувствует вынужденному браку Софьи.

Изображая Софью писательницей, Воскресенский подчёркивает способность женщины быть независимой и жить своим трудом, как и Лиза у Жуковой. В этом смысле беллетрист вписывается в те новые для патриархальных ценностей веяния 1840-х гг., которые были связаны с увлечением романами Жорж Санд и изменениями во взглядах на место женщины в семье и обществе [Кафанова, 1998].

Софья у Воскресенского бескомпромиссна, ей не свойственны сомнения. Она не ищет любви и семейного счастья, что подтверждает отказ от притязаний Ольского, много лет ищущего её руки. Она не прощает ему пари, предавшего их любовь. Софья не считает семейную жизнь единственной целью для женской самореализации, но видит своё предназначение в себе самой. В этом она предстаёт цельной натурой и сближается с героинями Жуковой. Религиозность определяет твёрдые нравственные качества героинь обеих беллетристов. Названные качества персонажей снимают вопрос о мужском взгляде в прозе Воскресенского, чего нельзя утверждать о Жуковой, женский взгляд которой явлен в обеих повестях.

Заключение

Проанализированный материал позволяет сделать выводы о преемственности творчества беллетристов: Воскресенский, написавший свой роман двумя годами позже, следует за Жуковой. Акт самопожертвования ощущается героями и самими рассказчиками по-разному. Воскресенский не передает такую глубину страдания, которую испытывают героини писательницы.

Финал «Самопожертвования» Жуковой новаторский: Лиза открывает свой пансион и живёт своим трудом, она находит себя в учительстве, а также в исполнении дочернего долга – заботы о престарелой матери. Её принципиальная позиция в отношении совершённого акта самопожертвования заключается в том, что она не считает семью графа обязанной ей за спасение чести графини. «...Это произведение своим пафосом (возможностью самореализации женщины в профессиональной деятельности) более чем на двадцать лет предвосхитило роман Н. Г. Чернышевского “Что делать?”» [Афанасьева, 2012, с. 126].

Финал же «Двух сестёр» можно было бы считать идиллическим, если бы не поведение Маши, отказывающей всем женихам. Она выбирает жизнь рядом с Софьей в степной глуши, в родовом имении, а не в городе, где ей было бы легче устроить свою судьбу.

Итак, Воскресенский продолжает начатое Жуковой: мотив самопожертвования находит развитие в его творчестве, подчиняясь задачам нравоописательного произведения: моральной оценке поступков героев. Жукова в своём творчестве самобытна, что проявляется в особом взгляде на судьбу провинциальной женщины, мир которой становится предметом изображения писательницы.

Список источников

Афанасьева Ю. Ю. Проза М. С. Жуковой: женский мир и женское мировидение в русской литературе второй трети XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 20 с.

Афанасьева Ю. Ю. Разрушение патриархальных стереотипов в творчестве М. Жуковой // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. № 9 (124). С. 124–126.

Белецкий А. И. Тургенев и русские писательницы 30–60-х гг. // Творческий путь Тургенева / ред. И. Л. Бродский. Петроград: Сеятель, 1923. С. 135–166.

Белинский В. Г. Русский театр в Петербурге // Собр. соч. : в 9 т. М.: Худож. лит., 1979. Т. 4. С. 474–487.

Воскресенский М. И. Самопожертвование : в 4 ч. М.: Тип. С. Селивановского, 1844. 102 с.

Дмитриев В. Г. По стопам Грибоедова // По стране литературы. М.: Московский рабочий, 1987. С. 136–144.

Жукова М. С. Две сестры // Отечественные записки. 1843. Т. 30, № 9–10. С. 2–82.

Жукова М. С. Повести : в 2 ч. Ч. 1 : Суд сердца; Самопожертвование. СПб.: Гутенбергова тип., 1840. 257 с.

Иванова Н. П. М. И. Воскресенский «Утро после бала Фамусова, или Все старые знакомцы». Комедия-шутка в одном действии в стихах: подражание или собственный замысел? // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее : сб. материалов III Междунар. науч. конф. 27–29 сентября 2018 г. / под ред. Н. В. Большаковой, А. Г. Разумовской. Псков: Логос, 2020. С. 27–35.

Кафанова О. Б. Любвиный быт «людей сороковых годов» // Вестн. Томского гос. ун-та. Гуманит. спецвыпуск. 1998. Т. 266. С. 78–87.

Комиссарова Е. А. Творчество М. С. Жуковой: традиции и новаторство : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2007. 20 с.

Кудрявцев П. Н. «Самопожертвование» М. Воскресенского // Отечественные записки. 1844. Т. 37, № 12. С. 62–66.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. 399 с.

Проскурина Ю. М. Русская художественная проза пятидесятых годов XIX века : дис. ... д-ра филол. наук. Свердловск, 1984. 354 с.

Рейтблат А. И. Московские «альманашники» // Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 82–97.

Сварчевская Т. В. Проблема женской реализации в творчестве А. Я. Марченко : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2010. 168 с.

Серигов А. Е. Состояния и обстоятельства самопожертвования, описанные в русской литературе XIX–XXI вв. // Вестн. Самарской гуманит. академии. Серия : Философия. Филология. 2017. № 2 (22). С. 31–42.

Сухих И. Н. Классное чтение: от горюхи до Гоголя. Александр Сергеевич Грибоедов (1795 (1790)–1829) // Нева. 2012. № 8. С. 158–181.

Турумова К. Ф. «Евгений Вельский» и его автор // Вопросы литературы. 1972. № 8. С. 106–125.

Хохлова Е. В. Жанровая эволюция прозы Ю. В. Жадовской : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002. 190 с.

Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» и «Евгений Вельский» // Стихотворная поэтика Пушкина / науч. ред. М. Н. Виrolainen; ред. О. Э. Карпеева, П. А. Копылова. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 1999. С. 66–79.

References

- Afanasieva, Yu.Yu. (2006). *The prose of M.S. Zhukova: woman's world and female worldview in Russian literature of the second third of the 19th century*. Abstract of the PhD thesis. Tomsk, 20 p. (In Russian).
- Afanasieva, Yu.Yu. (2012). The destruction of patriarchal stereotypes in M. Zhukova's prose. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 9, pp. 124-126. (In Russian).
- Beletsky, A.I. (1923). Turgenev and Russian female writers 30-60s years. *The creative path of Turgenev*. I.L. Brodsky (ed.). Petrograd, Sower, pp. 135-166. (In Russian).
- Belinsky, V.G. (1979). Russian Theatre in Saint Petersburg. *Collected works*: in 9 vols. Moscow, Art Literature, vol. 4, pp. 474-487. (In Russian).
- Chumakov, Yu.N. (1999). "Eugene Onegin" and "Eugene Velsky". *Poetic poetics of Pushkin*. M.N. Virolainen, O.E. Karpeeva, P.A. Kopylova (eds.). St. Petersburg, State Pushkin Theater Center in St. Petersburg, pp. 66-79. (In Russian).
- Dmitriev, V.G. (1987). In the footsteps of Griboyedov. *Across the land of literature*. Moscow, Moscow Worker, pp. 136-144. (In Russian).
- Ivanova, N.P. (2020). M.I. Voskresensky "The Morning After Famusov's Ball or All Old Acquaintances". A one-act comedy joke in verse: imitation or original idea? *Cultural Landscape of the Borderland: Past, Present, Future*. Collection of materials of the 3rd International Scientific Conference (September 27-29, 2018). N.V. Bolshakova, A.G. Razumovskaya (eds.). Pskov, Logos, pp. 27-35. (In Russian)
- Kafanova, O.B. (1998). Love life of "people of the forties". *Bulletin of Tomsk State University. Humanitarian Special Issue*, vol. 266, pp. 78-87. (In Russian).
- Komissarova, E.A. (2007). *The works of M.S. Zhukova: traditions and innovations*. Abstract of PhD thesis. Kolomna, 20 p. (In Russian).
- Khokhlova, E.V. (2002). *Genre evolution of prose by Yu.V. Zhadovskaya*. PhD thesis. Tver, 190 p. (In Russian).
- Kudryavtsev, P.N. (1844). "The Self-sacrifice" by M. Voskresensky. *Native Notes*, vol. 37, no. 12, pp. 62-66. (In Russian).
- Lotman, Yu.M. (1994). *Conversations about Russian culture. Everyday life and traditions of the Russian nobility (18th - early 19th century)*. St. Petersburg, Art, 399 p. (In Russian).
- Proskurina, A.V. (1984). *Russian fiction of the 50s of the 19th century*. PhD thesis. Sverdlovsk, 354 p. (In Russian).
- Reitblat, A.I. (2001). Moscow "literary miscellanies". *The way Pushkin Became a Genius. Historical and Sociological Essays on the Book Culture of the Pushkin Era*. Moscow, New Literary Review, pp. 82-87. (In Russian).
- Svarchevskaya, T.V. (2010). *The problem of female realization in the works of A.Ya. Marchenko*. PhD thesis. Tver, 168 p. (In Russian).
- Serikov, A.E. (2017). Conditions and circumstances of self-sacrifice, described in Russian literature of the 19th-21st centuries. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Philosophy. Philology*, no. 2, pp. 31-42. (In Russian).
- Sukhikh, I.N. (2012). Class reading: from Gorukhshcha to Gogol. Alexander Sergeevich Griboyedov (1795 (1790)-1829). *Neva*, no. 8, pp. 158-181. (In Russian).
- Turumova, K.F. (1972). "Evgeny Velsky" and his author. *Questions of Literature*, no. 8, pp. 106-125. (In Russian).
- Voskresensky, M.I. (1844). *Self-sacrifice*. in 4 parts. Moscow, Printing House of S. Selivanovsky, 102 p. (In Russian).
- Zhukova, M.S. (1840). *Stories*. in 2 parts. *Part 1: The Court of the Heart; Self-sacrifice*. St. Petersburg, Gutenberg Printing House, 257 p. (In Russian).
- Zhukova, M.S. (1843). Two sisters. *Native Notes*, vol. 30, no. 9-10, pp. 2-82. (In Russian).

Сведения об авторе

Иванова Наталья Петровна – канд. филол. наук, доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного, nplechova@yandex.ru

Information about the Author

Natalia P. Ivanova – Ph.D. in Philology, associate professor of the Department of Philology, Communications and Russian Language as Foreign, nplechova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 28.03.2025; accepted for publication 28.03.2025.